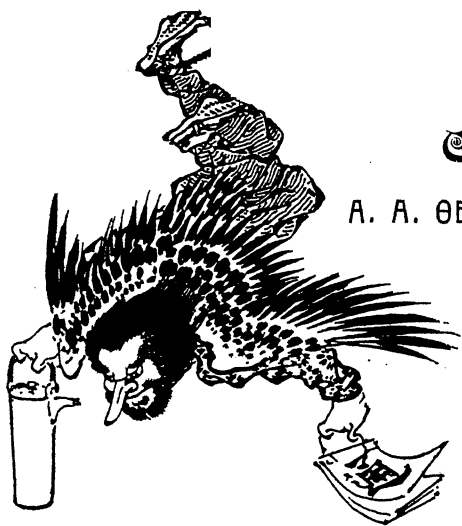

Японскія Народныя Сказки

Съ нѣмецкаго

А. А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА.

Съ рисунками

японскихъ художниковъ

Второе дополненное изданіе.

МОСКВА.

Типо-Литографія І. И. Пашкова, Милютинскій пер., д. Арбатовой.
1904.

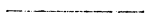
ЯПОНСКІЯ

Народныя Сказки.

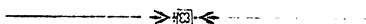
ВЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. А. ФЕДОРОВА-ДАВЫДОВА.

СЪ РИСУНКАМИ

ЯПОНСКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ.

Второе изданіе

РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛОВЪ

„Свѣтлячокъ“

И

„Путеводный Огонекъ“.

МОСКВА.

Дозволено цензурою, Москва, Февраля 21 дня 1904 г.

Краббъ и обезьяна.

Жилъ былъ краббъ, который ютился въ маленькой, хорошенькой пещеркѣ на томъ боку горы, гдѣ почти всегда царила тѣнь.

И увидѣлъ онъ разъ, — на дорогѣ лежитъ вареный рисъ, — его, вѣрно, путникъ послѣ ночлега забылъ. Вотъ и задумалъ краббъ перетаскать этотъ рисъ домой. И подошла къ нему обезьяна, которая на той же горѣ жила и тоже хотѣла рисомъ полакомиться, и говоритъ: — „Давай помѣняемся. Ты дай мнѣ рису, а я тебѣ дамъ сѣмечки отъ апельсина“.

И что же вы думаете, — краббъ посмѣялся надъ обезьяной? Вовсе нѣтъ. Наклонилъ онъ голову на-бокъ, подумалъ, подумалъ и согласился на мѣну.

Обезьяна духомъ проглотила рисъ, а краббъ тщательно стащилъ въ свою норку сѣмена и посадилъ ихъ въ своемъ маленькомъ садикѣ передъ пещеркой.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, шла обезьяна мимо пещерки крабба, а тотъ сидитъ подъ тѣнью роскошнаго померанца, который выросъ изъ посаженныхъ имъ сѣмечекъ.

— Славное дерево, — сказала обезьяна, — я голодна, а у тебя такое славное по-

меранцевое дерево. Не дашь ли ты мнѣ парочку померанцевъ.

— Охотно,—сказалъ краббъ,—да я не могу влѣзть на дерево, и ты сама должна влѣзть на дерево за ними.

— Только позволь,—сказала обезьяна.

Краббъ позволилъ, но только подъ условіемъ, что обезьяна дастъ ему половину того, что она нарветъ на деревѣ.

Обезьяна прыгнула на дерево, наблась померанцевъ до-отвалу да еще полные карманы себѣ набила и все дерево опу-

стошила, а бѣдному краббу бросила всего-на-всего какіе-то два испорченные померанца. Обидѣлся краббъ и крикнулъ обезьянѣ вдогонку, что-де она негодница и слова своего не держитъ. Ну, тутъ ужъ обезьяна сама разсердилась и такъ закидала бѣднаго крабба незрѣлыми и полугнилыми померанцами, что чуть до смерти не зашибла его.

Какъ увидѣлъ краббъ, что съ обезьяной ничего не подѣлаешь, что она сильнѣе его,—смирился онъ и сказалъ:

— Слушай-ка, обезьяна, ты славно лазаешь, слова нѣтъ, но это тогда, когда вѣтки есть, а небось по гладкому стволу безъ вѣтокъ тебѣ ни за что не влѣзть.

Обида взяла обезьяну, и мигомъ она обломала два-три сучка вокругъ ствола, но въ это время изъ кармана ея высыпался весь запасъ померанцевъ. А краббъ, не будь дуракъ, живо ухватилъ ихъ и потащилъ къ себѣ въ пещерку. Потомъ вылѣзъ, было, снова, но тутъ ужъ обезьяна схватила его, стала бить его и чуть, было, не убила. Потомъ испугалась сама и задала тягу.

Счастье, что у крабба было добрыхъ знакомыхъ пропасть, которые, какъ прослышали про эту бѣду, такъ поспѣшили къ нему на помощь.

Первой оса прилетѣла, стала утѣшать крабба, ухаживать за нимъ, а потомъ полетѣла къ яйцу и ступкѣ для рису да и расказала о дурномъ поступкѣ обезьяны.

И пришли всѣ они къ краббу, а какъ были убѣждены, что обезьяна непременно вскорѣ явится вторично за померанца-

ми, то и рѣшили ее подождать да подкараулить.

Ступка влѣзла на поперечную балку надъ входомъ; яйцо легло прямо на землю съ самымъ невиннымъ видомъ, какъ будто оно сюда случайно попало; оса влетѣла въ ведро и забила въ самый уголышекъ, а краббъ влѣзъ въ расщелину скалы и сталъ совершенно невидимъ.

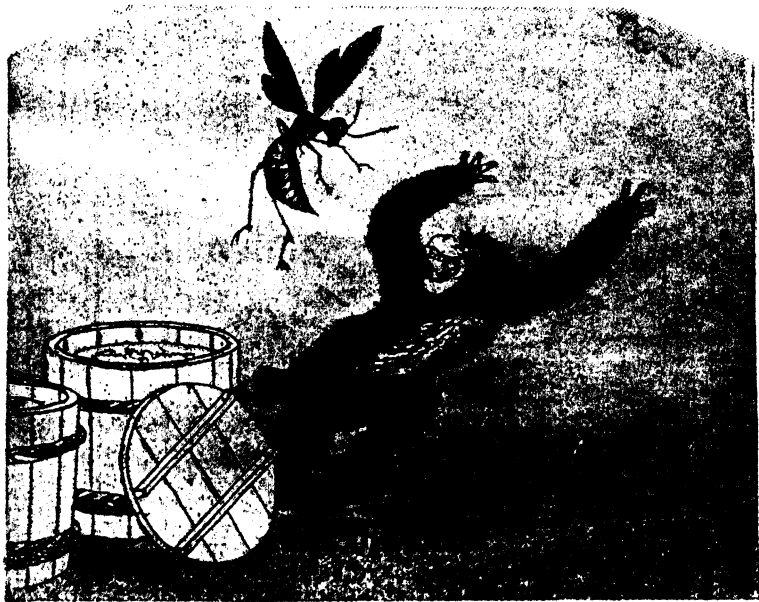
Вотъ и является обезьяна. А какъ она виновата была, то остановилась въ дверяхъ и ну извиняться. Тихо было, заглянула она во внутрь да и вошла въ пещерку. А какъ она вообще жадная бы-

ла, то подняла живо съ полу яйцо и положила его на очагъ. „Вотъ,—думаетъ элорадно,—придетъ краббъ, а яйца-то и нѣтъ“.

И только она подумала о томъ, — съ трескомъ лопнуло яйцо на нѣсколько кусочковъ и осколки скорлупы до крови изрѣзали и исцарапали всю морду обезьяны.

Бросилась она къ ведру, думая освѣжиться водой, наклонилась надъ нимъ, а оса съ жужжаніемъ бросилась со дна ведра и больно, немилосердно ужалила ее въ самый носъ.

Завизжала обезьяна и бросилась прочь бѣжать, но на порогѣ тяжелая ступка съ балки грохнулась на обезьяну и убила ее...

Краббъ мало-по-малу выздоровѣлъ совершенно и зажилъ по-прежнему и жить много лѣтъ послѣ того, пока не умеръ

подъ своимъ чуднымъ развѣсистымъ по-
меранцевымъ деревомъ.

Воробей съ обрѣзаннымъ языкомъ.

Въ старые годы жили-были въ глуши высокихъ горъ старики мужъ и жена. Не походили они другъ на друга,—мужъ былъ добрый, хорошій человекъ, а у жены былъ злобный, завистливый характеръ,—вотъ и ссорились, и перекорялись они между собою да на томъ и составились.

Разъ сидѣлъ старикъ, по обыкновенію, передъ своей хибаркой и видитъ вдругъ—ворона преслѣдуетъ одного воробушка.

Жалобно плачетъ воробушекъ, а ворона бьетъ своими страшными крыльями и готова вотъ-вотъ клюнуть своимъ страшнымъ носомъ несчастную птичку.

Вотъ старикъ подбѣжалъ къ нимъ и отогналъ злую ворону.

Потомъ старикъ заботливо поднялъ воробушка и осторожно понесъ его домой. Сердчишко билось у воробья, и весь онъ дрожалъ, такъ что старикъ всячески уго-

варивалъ его изъ состраданія, отнесъ его домой и посадилъ въ клѣтку, и воробушекъ скоро пришелъ въ себя и поправился.

А какъ сталъ воробушекъ по-прежнему весело прыгать по клѣткѣ и чирикать, старикъ сталъ кормить его на-славу и каждый день отворялъ ему дверцу клѣтки, чтобы воробушекъ не чувствовалъ тяжести неволи.

И воробушекъ съ радостью порхалъ по всей хижинѣ, а когда подкрадывалась къ нему кошка или крыса, онъ мигомъ забирался въ клѣтку и затихалъ тамъ.

Радъ былъ старикъ, и, видя, что воробей отъ него прочь не улетаетъ, сталъ онъ особенно цѣнить умъ и привязанность птички.

Но жена старика терпѣть не могла воробушка и всячески ему досаждала, то корму ему не насыплетъ, то бранить его всячески; не раздѣляла она и съ мужемъ его радости на умнаго воробья.

Разъ старика дома не было, старуха и дала волю своему гнѣву. Она какъ-разъ въ это время стирала какую-то одежду и положила кусочекъ на краю кадки. Воробушекъ подлетѣлъ да и клюнулъ...

Разсердилась старуха, схватила ножницы и хотѣла убить птичку, да все-таки раздумалась и не рѣшилась на это, но чтобы птичка не смѣла ни ѣсть, ни чирикать, хотѣла она ей языкъ отрѣзать.

Воробушекъ во-время откинулъ голову, но все-таки острые ножницы сдѣлали глубокій надрѣзъ на языкѣ... Воробей запищалъ отъ боли такъ, что старуха

выпустила его изъ рукъ... И отъ страха, и отъ обиды вылетѣлъ воробушекъ изъ дому на волю туда, гдѣ его не видно стало...

Пришелъ старикъ, и старуха все разсказала ему, какъ она языкъ воробью обрѣзала, да еще бранить стала старика, что онъ такъ привязался къ этой глупой птицѣ, отъ которой все равно проку никакого нѣтъ.

Сѣлъ старикъ въ горѣ на порогѣ хаты и горюетъ о воробѣѣ. И такъ сталъ онъ дѣлать каждый день, но время шло, а воробушекъ назадъ не прилеталъ,—и махнулъ старикъ на все рукой, думая, что воробушекъ для него пропалъ навсегда.

Пошелъ разъ старикъ въ ясный жаркій день въ тѣнь бамбуковой рощи и видитъ вдругъ посреди ея прехорошенькій садикъ, котораго раньше онъ никогда не видѣлъ, а около—прехорошенькая фанза... И выходитъ изъ фанзы къ нему

навстрѣчу славная дѣвочка и отворяетъ ему ворота.

— Войди, милый, старый другъ,—молвила она,—наконецъ-то ты снова нашелъ меня. Я твой воробушекъ, котораго ты отъ смерти спасъ и котораго такъ берегъ и холилъ.

Обрадовался старикъ, схватилъ ее за руки, а она ввела его въ свою фанзочку и все ему показала, и старикъ диву дался, какъ это она такъ хорошо устроилась. Сѣлъ онъ на роскошныхъ подушкахъ, а дѣвочка стала подносить ему вкусныя яства, которыхъ онъ съ роду и не видывалъ, и сама служила ему.

Потомъ кликнула дѣвушка своихъ подругъ, взяла лютню, и заиграли они чудную пѣсню, потомъ танцовать стали,—и не замѣтилъ старикъ, какъ и время прошло, и стемнѣло уже. И старикъ заснулъ тутъ же, на чудныхъ подушкахъ.

Рано утромъ сталъ онъ прощаться съ дѣвушкой, а она и говорить:

— Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя такъ, ни съ чѣмъ?

И велѣла она принести два сундука,—одинъ большой, а другой маленькій. Какъ всегда, по скромности, выбралъ себѣ старикъ маленькій сундучокъ, завернулъ его въ платокъ, поблагодарилъ воробушка и взвалилъ свой подарокъ на плечи.

Пришелъ старикъ домой; стала его жена бранить, гдѣ онъ пропадалъ столько времени. Но старикъ былъ невозмутимъ; онъ все думалъ о своемъ миломъ воробушкѣ и потомъ взялъ да и открылъ свой сундучокъ.

Что же было тамъ? Да все только золото и драгоценные камни.

Обомлѣлъ старикъ-японецъ, а у жены глаза разгорѣлись и стала она просить его рассказать, откуда онъ все это досталъ.

А какъ разсказалъ старикъ о томъ, что все это подарилъ ему его милый воробушекъ и что взялъ-то онъ маленькій сундучекъ, тутъ старуха начала его бранить сызнова. А потомъ разспросила у него дорогу туда, разошлась въ пухъ и прахъ и отправилась къ воробушку въ гости.

Долго бѣгала она и искала фанзочку воробушка, а какъ нашла ее, такъ не стала приглашенія дожидаться, а прямо вошла въ садъ и въ фанзу, словно это было ея собственностью.

Перепугались мои воробушки, а особенно хозяйка, какъ завидѣла своего врага.

Но гнать ея изъ дому нельзя было. Такъ воробушки и усадили ее вмѣстѣ съ собой, принесли пироговъ, вина, и когда старуха наѣлась, напилась, воробушки думали, что она съ тѣмъ и уйдетъ. Да не тутъ-то было.

— Вы что же на прощанье-то подарка не хотите давать?—спросила старуха-японка сама.

— Отъ всей души!—сказала дѣвушка и приказала снова принести два сундука—большой и маленькій.

Не долго думая, японка ухватила большой сундукъ, взвалила его безъ долгихъ разговоровъ себѣ на плечи и убра-

лась во-свояси, и благодарности не сказавъ.

Только идти она скоро не могла,—ужъ очень тяжелый у нея сундукъ былъ, и съ кажды́мъ шагомъ онъ становился все

тяжелѣе да тяжелѣе, такъ что она чуть, было, не сломалась надвое подъ тяжестью этой, только жадность да зависть и помогли ей одолѣть трудность пути, и, наконецъ, изнемогая, она дотащи́лась-таки до своей фанзы.

Но едва она черезъ порогъ пересту-

пила, какъ тутъ же въ изнеможеніи упала на полъ...

А ужъ вечеръ былъ, и вовсе темно стало въ фанзѣ. Отлежалась злая японка, встала и давай отпирать сундукъ, даже огня не засвѣтивъ.

Она внѣ себя была отъ нетерпѣнія и все дергала, дергала крышку сундука, пока та не отскочила...

Но,—о, горе!—не золото, не драгоценности были въ немъ, а страшное, отвратительное привидѣніе, съ горящими глазами, съ змѣеобразнымъ хвостомъ, съ острыми когтями. Да не одно, а нѣсколько, и набросились они на старуху и стали бить ее за всю ея злобу, за то, что она мучила и бранила своего добраго старика-мужа, за ея жадность, зависть и непривѣтливость.

Про человека, который заставлял цвести засохшія деревья.

Много-много лѣтъ тому назадъ жили были въ одномъ селеніи старикъ да старуха японцы. Хорошіе люди были они, а такъ какъ боги не дали имъ дѣтей, то всю любовь они обратили на свою маленькую собачку.

Они ласкали и холили ее, и собака понимала это и такъ къ нимъ привязана была, что ни на шагъ отъ нихъ не отходила.

Работалъ разъ японецъ въ саду, и когда онъ опустилъ кирку, чтобы потъ со лба утереть, замѣтилъ онъ, что его собачка въ травѣ что-то нюхаетъ и царапаетъ лапами землю, потомъ бросилась съ лаемъ къ нему, снова отбѣжала на то мѣсто и давай его скрести... И повторяла она это нѣсколько разъ, такъ что японецъ, наконецъ, поднялъ кирку и подошелъ къ собацѣ.

А собачка-то лаетъ, танцуетъ на заднихъ лапкахъ;—радуется, что и японецъ, и японка смѣются надъ ней...

Ударилъ японецъ киркой по тому мѣсту разъ, другой,—и что же? Вдругъ что-то звонко звякнуло подъ остріемъ кирки, и изъ-подъ земли блеснула цѣлая груда старинныхъ золотыхъ монетъ.

Съ трудомъ достали они изъ ямы кладъ и снесли его домой.

И разбогатѣли сразу мужъ съ женой, и если прежде хорошо обращались съ собакой, то теперь и говорить нечего. Хорошо стало жить собакѣ,—что умирать не надо!

Скоро облетѣло округъ это извѣстіе о найденномъ кладѣ, и одинъ завистливый сосѣдъ до того дошелъ, что ни ѣсть, ни пить, ни спать отъ зависти не могъ.

И надумалъ онъ, что, вѣроятно, эта собачка обладаетъ даромъ знать всѣ клады всего свѣта, гдѣ они зарыты; вотъ и пришелъ онъ къ разбогатѣвшимъ сосѣдямъ и ласково сталъ просить ихъ, одолжить ему на-время собачку.

— На что тебѣ она?—спросилъ его японецъ.—Мы къ ней такъ привыкли, что не можемъ и на одинъ часъ разстаться съ нею.

Но завистливый человекъ такъ это дѣло не оставилъ и каждый день ходилъ къ нимъ и все объ одномъ и томъ же просилъ, и добрые люди сжалились надъ нимъ и отдали ему собаку. Вотъ разъ этотъ японецъ и выпустилъ собаку въ садъ. А та и стала бѣгать да нюхать и, наконецъ, начала царапать когтями землю.

Обрадованный, бросился японецъ къ собакѣ; жена быстро принесла кирку, и начали они оба рыть землю...

И что же они отрыли? Какой-то мусоръ и кости, и пахли эти кости такъ дурно, что японцы зажали носъ.

И такъ взбѣсился на собаку японецъ, что тутъ же на мѣстѣ и убилъ ее.

А потомъ пришелъ къ сосѣду и говорить:
— Ваша собака, которую я на-славу
кормилъ, околѣла, и никто не знаетъ,
отъ чего это съ ней случилось...

Печально взялъ японецъ собаку и за-
рылъ ее въ ту яму, изъ которой онъ
вынулъ кладъ, и все плакалъ о собакѣ
и днемъ, и ночью.

Только разъ ночью и приснилась ему
его вѣрная собака и сказала, чтобы онъ
срубилъ дерево, подъ которымъ она за-
рыта, и сдѣлалъ бы себѣ изъ него тол-
чею для риса; она-де его утѣшитъ.

Хоть и жалъ было японцу рубить хо-
рошее дерево, но по совѣту жены онъ

такъ именно и поступилъ и сдѣлалъ изъ срубленнаго дерева толчею для риса.

Наступила пора жатвы риса, и тутъ надо было пустить въ дѣло новую толчею; когда японецъ насыпалъ рисъ въ толчею и началъ толочь,—о, чудо!—вмѣсто каждаго бѣлаго зерна выскакивали золотыя монеты...

То-то стало радости у старыхъ людей, которые были тронуты такой привязанностью и преданностью собаки.

И снова услышалъ завистливый сосѣдъ про эту исторію, пошелъ къ богатымъ японцамъ и сталъ умильно просить ихъ одолжить ему на-время чудодѣйственную толчею. Неохотно, но отдалъ все-таки старикъ-японецъ толчею сосѣду,—дѣлать было нечего!

Притащилъ сосѣдъ толчею домой,—ого!—теперь-то онъ намолотитъ себѣ особенныхъ рисовыхъ зеренъ. И самъ онъ, и жена его натаскали нѣсколько охапокъ рису, думая всю жатву въ золото обработать.

И снова жадность ихъ была строго наказана, потому что изъ рисовыхъ кистей выскакивали подъ пестикомъ не золото,—нѣтъ,—не рисъ даже, а кусочки мусора—и только.

И такъ разсердились эти злые люди на то, что сосѣди ихъ такъ счастливы были, что въ досадѣ раскололи чудодѣйственную толчею на мелкія щепочки и сожгли ее до-тла...

Конечно, добрые люди были очень огорчены этимъ. Съ плачемъ улеглись они на покой. И снова увидѣлъ старикъ-японецъ во снѣ свою собачку, которая

стала его утѣшать и сказала ему, чтобы онъ только сходилъ къ завистливому сосѣду и взялъ у него ту золу, которая осталась отъ сожженной толчеи. Съ этой золой пускай онъ пойдетъ на улицу и дождется, когда по ней поѣдетъ ихъ намѣстникъ Даиміо; тогда пускай онъ влѣзетъ на вишневые деревья и посыплетъ ихъ этой золой, и вишни тотчасъ же расцвѣтутъ всѣ до единой.

Удивился японецъ этому сну, однако, утромъ набилъ цѣлый мѣшокъ золой и отправился на главную улицу. Вишневые деревья стояли всѣ еще обнаженные безъ единого листка; было зимнее время, когда садовники за большія деньги продавали вишни въ маленькихъ горшкахъ на потѣху богатымъ людямъ, а на волѣ вишни должны были расцвѣсти еще только черезъ мѣсяцъ.

Едва японецъ вышелъ на улицу, — смотреть, а намѣстникъ Даиміо ѣдетъ къ нему навстрѣчу со своей свитой. Всѣ встрѣчные бросались передъ нимъ на землю ницъ, чтобы выразить свою полную преданность Даиміо, и когда старикъ-японецъ не только не распростерся на землѣ, а полѣзъ на вишню, — Даиміо разгнѣвался ужасно и приказалъ схватить непокорнаго старика. Но тотъ въ это время успѣлъ схватить изъ мѣшка горсть золы и осыпалъ голыя вѣтви деревьевъ тонкой золой...

И въ то же мгновеніе всѣ вишни почти сплошь покрылись нѣжными бѣлыми цвѣтами, и Даиміо такъ обрадовался тому, что не только богато одарилъ старика-японца, но призвалъ его

къ себѣ и тамъ воздалъ ему особую честь, передъ своими гордыми придворными.

Узналъ все это завистливый сосѣдъ, и снова жадность и зависть не стали давать ему покоя.

И потому онъ собралъ старательно всю золу, которая еще оставалась отъ сожженной толчеи, и сталъ на дорогѣ, по которой долженъ былъ ѣхать намѣстникъ, чтобы ему устроить точно такое же представленіе, какъ его сосѣдъ устроилъ.

Какъ только онъ завидѣлъ издали приближающійся кортежъ Даимію, съ богато одѣтыми скороходами и всадниками,—сердце его отъ радости запрыгало.—

„То-то,—думаетъ,—я честь заслужу передъ всѣми этими важными господами“.

Взлѣзъ на дерево, захватилъ обѣими руками полныя горсти золы и въ тотъ моментъ, какъ поѣздъ проѣзжалъ какъ-разъ подъ его деревомъ,—сталъ онъ осыпать всю свиту и намѣстника золой...

Но на этотъ разъ ни единый бутонъ не распустился, ни единый листокъ не развернулся,—лишь ѣдкая зола засорила глаза самому Даиміо и его спутникамъ сплошь и залѣпила ихъ роскошные шелковые наряды.

Въ гнѣвъ стащили японцы-стражники завистливаго человѣка съ дерева и порядкомъ его проучили, а потомъ связали его и бросили въ темницу, гдѣ онъ и былъ долгое время. А когда его снова выпустили на свободу и вернулся онъ къ себѣ въ селенье, — уже всѣ узнали про его злобу и зависть и ничего не хотѣли имѣть съ нимъ общаго. Такъ онъ одинокимъ и остался.

А добрые хорошіе старики-японцы, которые все не забывали свою вѣрную собачку, жили счастливо и благополучно до смерти, и все у нихъ шло хорошо, какъ по маслу.

„Момотаро“—персиковый мальчикъ.

Много-много лѣтъ тому назадъ жили въ одной деревнѣ старикъ-японецъ со своею женой. Хоть и бѣдствовали они, но все-же могли бы жить бѣдные люди счастливо, если бы только у нихъ были дѣти. Вотъ такъ-то и жили они въ полномъ одиночествѣ и до того скорбѣли, что даже сосѣди раздѣляли ихъ горе и старались всячески утѣшить ихъ.

И случилось разъ, что пошла старуха-японка на рѣку. А день былъ солнечный,

и рѣка съ великимъ шумомъ катила свои воды черезъ камни...

Достала японка платѣе да бѣлье и стала усердно полоскать ихъ въ рѣкѣ.

И такъ она занялась своимъ дѣломъ, что и не замѣтила, какъ огромный, прекрасный персикъ внезапно подплылъ къ ней по водѣ...

Старушка поспѣшно схватила его. Такіе чудные, спѣлые персики попадались рѣдко, — круглый, наливной, онъ, казалось, испускалъ розовое сіяніе отъ себя на солнцѣ.

Вернулась она домой и отнесла мужу найденный персикъ, — пусть и старикъ полакомится... Обрадовался и тотъ находкѣ, поскорѣе досталъ ножъ и осторожно разрѣзалъ персикъ на двѣ равныя части, — и что же случилось тогда!

Къ великому изумленію обоихъ стариковъ, изъ персика выскочилъ бойкій, рѣзвый красавчикъ-мальчуганъ.

То-то была радость, — и описать ее невозможно. Теперь былъ у нихъ сыночекъ, и японцы воздали благодарность богамъ за ихъ великую для нихъ милость, а чтобы вѣчно помнить объ этой радости, они и мальчика прозвали „Момотаро“, — персиковый мальчикъ.

Надивиться не могли старики на него и всячески ухаживали за нимъ; и мальчикъ быстро росъ со всѣми добрыми задатками хорошаго человѣка, будущей вѣрной опорой своихъ стариковъ.

И Момотаро любилъ ихъ до безумія и день и ночь только о томъ и думалъ, что бы ему только сдѣлать, чтобы доста-

вить обоимъ старикамъ полную счастья, спокойную жизнь. Онъ ломалъ себѣ голову, какъ бы ему только забыть сокровища, чтобы обогатить своихъ родныхъ, и, наконецъ, рѣшилъ пуститься въ далекій путь чтобы побывать въ самыхъ прославленныхъ храмахъ и испросить тамъ себѣ совѣта.

Но передъ этимъ рѣшеніемъ увидѣлъ онъ такой хорошій сонъ, что онъ рѣ-

шилъ слѣдовать ему, а всѣ остальные свои планы пока оставить въ покоѣ.

Невдалекѣ отъ ихъ фанзы въ морѣ

находился островъ, на который никто еще никогда не вступалъ, потому что на немъ обитали исключительно злыя божества Они; оттого и островъ тотъ называли Онишима. И ходила въ народѣ японскомъ молва, что у Они, въ ихъ пещерахъ на островѣ, несмѣтныя сокровища спрятаны, которыя они старательно оберегаютъ отъ всѣхъ, и зовутъ главнаго ихъ стража Монбанъ.

И снилось Момотаро, что онъ попалъ на этотъ страшный островъ, побѣдилъ всѣхъ этихъ чудовищъ и захватилъ ихъ сокровища,

Но самое главное было во снѣ то, что онъ получилъ какъ бы благословеніе отъ добрыхъ духовъ на эту поѣздку на островъ Онишима и на захватъ сокровищъ злыхъ Они, потому что боги подъ видомъ всевозможныхъ звѣрей помогали ему во снѣ преодолевать всякаго рода препятствія.

Прежде всего сталъ Момотаро обучаться обходиться съ оружіемъ, особенно легко и умѣючи обращаться съ тяжелой дубиной. А потомъ пошелъ онъ къ роднымъ и сказалъ имъ, на что онъ рѣшился идти.

И страшно огорчились тѣ и стали, было, уговаривать его отложить всѣ планы.

На какъ стоялъ Момотаро на своемъ и какъ вспомнили они, что это боги послали имъ его въ персикъ,—и оскорблять ихъ теперь нельзя,—то и дали ему на это свое согласіе.

Собрали они его въ путь - дорогу, наварили ему клецокъ изъ пшена; простился Момотаро съ ними, плача, и пошелъ своей дорогой...

Шелъ онъ шелъ, и встрѣчается ему какая-то собака. Радостно замахала она хвостомъ и высоко подпрыгнула къ самому лицу Момотаро, какъ только замѣтила, что это ему нравится.

— Позволь мнѣ идти съ тобою,—сказала ему собака,—я буду служить тебѣ вѣрой и правдой, если ты мнѣ будешь давать ѣсть хоть немножко клецокъ.

Момотаро кинулъ ей двѣ-три клецки, и собака побѣжала рядомъ съ нимъ.

Шли они, шли, — и встрѣчается имъ обезьяна: поздоровалась она съ ними и спрашиваетъ у Момотаро, куда это онъ путь держать.

А какъ узнала въ чемъ дѣло, такъ и стала просить его:

— Я пойду съ тобой и буду тебѣ помогать. А ты, конечно, подѣлишься со мною своими славными клецками.

— Изволь! — сказали Момотаро и охотно далъ обезьянѣ большую порцію клетокъ; а обезьянѣ онѣ такъ по вкусу пришлись, что она кликнула къ себѣ своего друга — фазана, чтобы и онѣ эту прелесть попробовалъ.

Фазанъ живо подлетѣлъ, поклевалъ клетокъ, а какъ узналъ, куда они всѣ направляются, такъ и сталъ Момотаро просить, чтобы онѣ и его съ собою захватилъ.

Согласился Момотаро на это, и пошли они вчетверомъ дальше, очень довольные другъ-другомъ.

Вотъ приходятъ они къ берегу моря и видятъ, что лодка, на которой имъ можно было бы на островъ переплыть, далеко отъ берега стоитъ, и никакого каната отъ нея на берегъ не протянуто.

Что было тутъ дѣлать? Момотаро ничего придумать не могъ, но обезьяна нашла и сказала собакѣ:

— Ты можешь хорошо плавать, такъ живо лѣзь въ воду, я сяду тебѣ на спину, — мы лодку къ берегу и подтянемъ съ тобой...

Сказано — сдѣлано... Подвезла собака обезьяну на себѣ къ лодкѣ, та достала канатъ и сунула его собакѣ въ пасть, а та съ гордостью и радостью подвела лодку къ самому берегу.

Вотъ и усѣлись всѣ въ лодку, кромѣ фазана, который полетѣлъ впереди нихъ прямо къ острову, чтобы выбрать тамъ удобное мѣсто для стоянки лодки, незаметное для злыхъ духовъ.

Момотаро похвалилъ фазана за его осмотрительность, — иначе ихъ непремѣн-

но замѣтили бы съ берега. Теперь же фазанъ сказалъ имъ, гдѣ пристать удобнѣе, и лодка совершенно незамѣтно подошла прямо къ входу въ большую пещеру.

Размахнулся Момотаро своей дубинкой и сразмаху сталъ бить ею прямо въ желѣзную дверь пещеры, но отвѣта никакого не было; тогда страшно раздосадованный Момотаро размахнулся дубиной и разбилъ вдребезги пещерную дверь. Вошелъ и обомлѣлъ... Онъ думалъ очутится въ мрачномъ, сыромъ подвалѣ, но попалъ, наоборотъ, въ роскошно убранную, блестящую залу. Здѣсь долженъ былъ обитать глава Они... Момотаро въ ужасѣ упалъ безъ чувствъ, но его спутники подхватили его и привели въ себя.

Фазанъ полетѣлъ дальше, въ глубь дворца; обезьяна вскарабкалась подъ крышу; собака забила въ полъ, чтобы разузнать, гдѣ же именно скрыты здѣсь несмѣтные сокровища. И собака скоро нашла ихъ. Фазанъ и обезьяна вернулись къ ней, и тогда Момотаро вмѣстѣ съ ними рѣшился идти прямо въ главную залу главы Они... Безчисленное множество маленькихъ злыхъ духовъ окружали его толпой, но Момотаро сталъ угрожающе махать своей страшной дубиной, и злые духи мигомъ разсѣялись во всѣ стороны.

Безъ труда и опасности вошелъ Момотаро въ главную залу Они, и какъ завидѣлъ его самъ глава племени, разгнѣвался онъ, распалился на него страшно. И кликнувъ онъ на помощь свою стражу, но никто на помощь явиться не по-

смѣлъ, и Момотаро отважно напалъ на него.

Обезьяна, какъ замѣтила, что глава Они на много сильнѣе Момотаро,—живо вспрыгнула ему на спину и зажала ему сзади глаза, такъ что злой духъ не могъ видѣть своего противника; а собака тоже не зѣвала и вцѣпилась въ ноги Они, между тѣмъ какъ фазанъ на улицѣ держалъ всѣхъ другихъ злыхъ духовъ на почтительномъ разстояніи и каждому, кто осмѣливался выдвинуться впередъ, выклевывалъ глаза.

Оттого и случилось, что почтенный Они скоро взмолился о пощаду.

— Хорошо,—сказалъ Момотаро,—если ты отдашь мнѣ всѣ сокровища острова Онишима, я отпущу тебя.

И Они обѣщалъ и сдержалъ свое слово. Стража живо снесла всѣ сокровища въ лодку, и веселый, довольный отплылъ юный герой со своими тремя товарищами домой...

То-то обрадовались родные, какъ вернулся Момотаро домой, живой, здоровый и счастливый! Радовались они и тому, что Момотаро привезъ съ собою такія несмѣтныя сокровища,—тутъ были и золото, и серебро, и драгоценные камни, и, кромѣ того, волшебныя сокровища; такъ, напримѣръ, былъ особый плащъ и шляпаневидимка,—да всего и не перечесть.

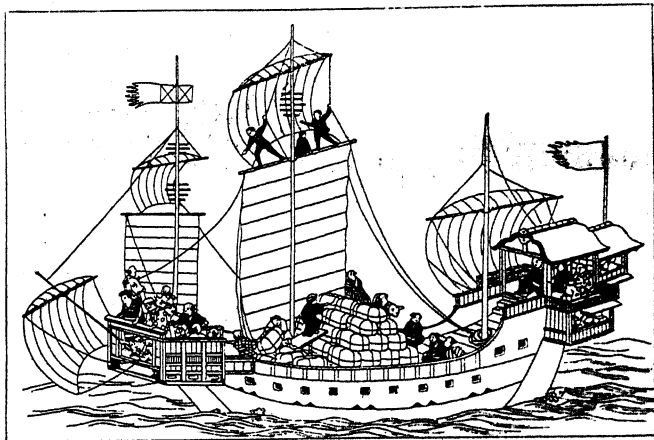
Ну, теперь оставалось только жить безъ печали и заботы,—и слава о Момотаро разнеслась по всему свѣту.

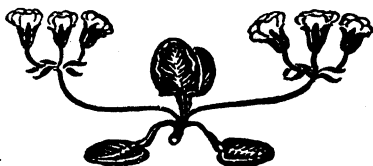
Узнала про него и прекрасная принцесса, которая жила въ роскошномъ, богатомъ саду, но Момотаро не зналъ ее

и потому представить себя не могъ, какъ она интересуется его славой.

Но фазанъ, который леталъ въ саду, подслушалъ ее и сказалъ Момотаро, что принцесса его ужасно любитъ. И это такъ обрадовало Момотаро, что онъ живо отправилъ къ принцессѣ свою мать-старуху просить ея руки. Принцесса сама обрадовалась и согласилась съ одного слова стать женой такого прекраснаго, храбраго героя; какимъ былъ Момотаро.

Добрымъ старикамъ-японцамъ нечего было больше ужъ и желать, и они прожили всѣ вмѣстѣ еще долгіе, счастливые годы. А Момотаро всегда держалъ при себѣ собаку, обезьяну и фазана и не разставался съ ними никогда, какъ со своими лучшими друзьями.

ЩЕБЕННИКЪ.

Въ тѣхъ отдаленныя времена, о которыхъ ученые едва осмѣливаются говорить, жилъ въ Японіи одинъ бѣднякъ; кормился онъ тѣмъ, что на большой дорогѣ раскалывалъ камни въ щебенъ. Онъ работалъ на большой дорогѣ ежедневно, во всѣ времена года и подъ дождемъ, и подъ снѣгомъ, въ зной и стужу; онъ постоянно былъ полумертвъ отъ усталости и на три четверти мертвъ отъ голода и потому не очень-то былъ доволенъ своей участью.

— Ахъ, какъ я бы возблагодарилъ небо, — сказалъ онъ однажды, — еслибы въ одинъ прекрасный день я сдѣлался настолько богатъ, что могъ бы выспаться, какъ слѣдуетъ, поѣсть и выпить всласть. Говорятъ, будто есть такіе счастливые люди, которые живутъ сытно и довольно.

Разлегся бы я передъ своею дверью на мягкихъ циновкахъ, одѣтый въ нѣжныя шелковыя одежды, и каждыя четверть часа слуга напоминалъ бы мнѣ, что я могу ничего не дѣлать и спать безъ угрызенія совѣсти.

Въ это время Судьба пролетала мимо и услышала его слова. — „Будь услышанъ,

бѣдный!“—сказала она, и внезапно щебенникъ очутился передъ дверью великолѣпнаго дома, который принадлежалъ ему, лежащимъ на мягкихъ цыновкахъ, одѣтый въ нѣжное, роскошное шелковое платье, онъ не чувствовалъ болѣе ни голода, ни нужды, ни усталости. Это ему показалось такимъ пріятнымъ, что онъ пришелъ въ восторгъ.

Съ полчаса онъ упивался этими неизвѣстными ему наслажденіями; какъ вдругъ увидѣлъ шествіе Микадо. А повелитель Японіи то время былъ самый могущественный изъ всѣхъ повелителей Востока.

Микадо гулялъ для своего удовольствія, въ одеждахъ вышитыхъ золотомъ, окруженный придворными, скороходами и воинами въ сопровожденіи музыкантовъ и супруги на бѣломъ слонѣ. Микадо возлежалъ на пуховыхъ подушкахъ, въ золотомъ паланкинѣ, искусно отдѣланномъ драгоценными камнями. Надъ головой повелителя его первый министръ имѣлъ честь нести зонтикъ, отъ котораго шелъ трезвонъ, потому что края его были обшиты бахромой изъ колокольчиковъ.

Разбогатѣвшій щебенникъ съ завистью смотрѣлъ на поѣздъ Микадо.

— Вотъ это такъ жизнь!—сказалъ онъ,— Вотъ еслибы я былъ Микадо, я бы прогуливался съ еще большимъ великолѣпіемъ... Ахъ, какъ я желалъ бы сдѣлаться Микадо!

И въ одно мгновеніе онъ очутился лежащимъ въ золотомъ паланкинѣ, осыпанномъ драгоценными камнями; его окружали министры, скороходы и рабы.

Нѣсколько дней солнце страшно палило; все высохло; дорога окаменѣла, солнечный блескъ утомилъ глаза Микадо. Тогда онъ обратился къ министру, который держалъ надъ нимъ зонтикъ, и приказалъ: — „Этотъ невѣжда меня мучаетъ. Такое обращеніе со мной неприятно. Скажи ему, что я, повелитель Японіи, приказываю, чтобы оно удалилось!“—Первый министръ передалъ первому камергеру зонтикъ и удалился. Онъ вернулся почти тотчасъ съ смущеннымъ лицомъ.

— „Великій Микадо, повелитель боговъ и людей, это невозможно. Солнце сдѣлало видъ, что меня не понимаетъ и продолжаетъ жечь.

— Наказать его! Я равенъ богамъ, развѣ это не правда? Ты мнѣ сказалъ сейчасъ, что для меня нѣтъ ничего невозможнаго. Или ты началъ мнѣ противорѣчить, или ты не исполняешь моихъ повелѣній? Я тебѣ даю пять минутъ, чтобы погасить солнце, и десять, — чтобы увѣдомить меня о томъ. Иди“.

Первый министръ удалился и болѣе не возвращался. Могуущественный щепенникъ покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Однако, что же это такое? Я—повелитель и долженъ переносить своенравіе, причуды, жаръ какой-то звѣзды и только потому, что оно давно къ этому привыкло. Значить, солнце могущественнѣе меня; такъ я хочу быть солнцемъ!..

И вотъ, бывший бѣдный щепенникъ, сдѣлался средоточіемъ вселенной, сіяющимъ и пламеннымъ, ему велѣно было оберегать деревья, высушивать рѣки, испа-

рять ручки, жечь лица людей и запыленные носы его бывшихъ товарищей.

Но вдругъ облако встало между нимъ и землею и сказало солнцу:

— Постой-ка, мой милый, тутъ нельзя печь!..

— Какъ?—воскликнулъ щебенникъ.— Значить, облако могущественнѣе меня? Я хочу тогда стать облакомъ!..

И вотъ новое облако, въ свою очередь, гордо понеслось между сіяющими звѣздами и землею. Ни разу оно не ушло тихимъ дождемъ, а по волѣ щебенника являлось въ сопровожденіи ливня, града и такой грозы, которая съ корнемъ вырывала деревья. И въ нѣсколькихъ мѣстахъ ручки обращались въ рѣки, и тогда ужасъ овладѣвалъ всѣми живущими.

Однако простой утесъ гордо сопротивлялся усиліямъ щебенника, онъ оставался безстрастнымъ; отъ его гранитныхъ боковъ безсильно отскакивали волны и, яростно пѣнясь, снова налетали на него; но онъ стоялъ непоколебимъ: вѣтры не поколебали его, а громовыя стрѣлы заставляли его каждый разъ громко хохотать.

— Какъ!—воскликнулъ щебенникъ.— Этотъ гордый утесъ не хочетъ знать меня? О, тогда я желаю быть утесомъ и сильнѣе всѣхъ? И онъ сталъ гранитнымъ утесомъ.

Облако, обращенное въ гранитную скалу, чувствовало ко всѣмъ презрѣніе. Непоколебимое, неприступное, безстрастное стояло оно подъ жаркими лучами солнца, подъ ударами громовыхъ стрѣлъ...

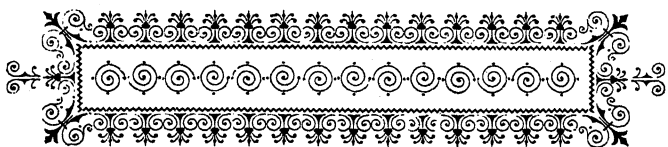
— Да,—думалъ щебенникъ,—теперь я сильнѣе и могущественнѣе всѣхъ!..

И вдругъ... Сухіе удары молотка у ногъ обратили его вниманіе; онъ наклонился и увидѣлъ, что оборванный, жалкій бѣднякъ, такой же, какъ и онъ когда-то, съ молоткомъ въ рукѣ отбиваетъ кусокъ за кускомъ отъ него гранить и крошить его на щебенъ для поправки сосѣдней дороги.

— Что это значитъ? — высокомерно спросила скала. — Какой-то нищій, изъ бѣднѣйшихъ бѣднякъ, худой изъ худѣйшихъ калѣчить меня, и я не могу себя защитить! О, тогда я желаю быть имъ, чтобы одолѣвать все!..

И снова онъ увидѣлъ себя простымъ рабочимъ на большой дорогѣ; ежедневно, во всѣ времена года подъ дождемъ и снѣгомъ въ жаръ и холодъ по-прежнему работаль онъ, былъ полумертвъ отъ голода, на три-четверти мертвъ отъ усталости, но все это теперь не мѣшало ему быть совершенно довольнымъ своею судьбой.

Заколдованная принцесса.

Жилъ-былъ принцъ, который все думалъ жениться; но все никого не находилъ онъ себѣ по сердцу, хоть и странствовалъ ради этого повсюду, изъ одной провинціи въ другую.

Только разъ, когда несли его восемь японцевъ въ паланкинѣ, окруженномъ свитой, повстрѣчался ему другой кортежъ, который былъ такой же богатый и многочисленный, какъ и его. Удивленный, взглянулъ принцъ на того, кого несли въ паланкинѣ,—и увидѣлъ онъ прекрасную японку необычайной красоты. И только она замѣтила, что онъ смотритъ на нее, какъ поспѣшно закрыла лицо вѣеромъ.

И принцъ сразу полюбилъ ее и сталъ просить одного кавалера изъ ея свиты разрѣшенія словомъ перемолвиться съ ней. И когда онъ заговорилъ съ нею, то увидѣлъ, что она настолько же умна и образованна, какъ и красива.

И тутъ же положилъ онъ жениться на ней во что бы то ни стало и спросилъ, изъ какой она семьи.

Знатная японка назвала извѣстную фамилію одного изъ японскихъ санов-

никовъ, который жилъ въ самой отдаленной провинціи Японіи.

— У нея есть, — добавила японка, — родственники и въ другой провинціи, въ которую попасть можно только черезъ его владѣнія; туда-то она и отправляется, такъ какъ тамъ кто-то боленъ.

Но принцъ и подумать не могъ о томъ, чтобы разстаться съ нею снова, и тутъ же рѣшилъ просить ее остаться съ нимъ и быть его женой, и прекрасная японка, подумавъ немного, согласилась на это.

Принцъ весь отдался прекрасной японкѣ, и все время, когда онъ не бывалъ занятъ дѣлами, охотой, военными упражненіями, проводилъ непременно около нея.

Только разъ лѣтнимъ утромъ случайно зашелъ онъ въ ея комнату и изумился, не найдя тамъ жены. А онъ зналъ, что въ это время она всегда отдыхаетъ у себя дома.

Но еще больше диву онъ дался, когда замѣтилъ, что на роскошныхъ подушкахъ, расшитыхъ чудными хризантемами, спитъ большая, чудная лисица.

Осторожно досталъ онъ свой лукъ и выстрѣлилъ въ нее, — и стрѣла ударила ей въ лобъ между бровями; но такъ какъ принцъ волновался и плохо мѣтился, — стрѣла не пробила черепъ, а только скользнула по лбу.

А лисица быстро съ подушекъ вскинулась и исчезла въ чащѣ густого парка, гдѣ ее никакъ не могли найти.

Когда принцъ вернулся вечеромъ домой съ поисковъ, онъ замѣтилъ что у его жены на лбу ссадина и какъ-разъ, — вотъ

диво-то,—на томъ самомъ мѣстѣ, куда онъ угодилъ стрѣлой лисицѣ. Сначала принцъ обомлѣлъ, но потомъ рѣшилъ, что, можетъ-быть, лиса и точно забралась къ ней въ комнату. Поэтому онъ совершенно спокойно спросилъ жену, отчего у ней на лбу царапина.

Безъ всякаго умысла спросилъ онъ ее объ этомъ; но невзাপный гнѣвъ овладѣлъ его женой: глаза ея вспыхнули злобѣщимъ огонькомъ, и она смѣрила его страшнымъ взглядомъ съ ногъ до головы.

И никакого отвѣта она ему дать не могла, и понялъ тогда принцъ, что онъ былъ очарованъ и что жена его—та самая лисица и есть.

И крикнулъ онъ стражу и велѣлъ схватить оборотня и запереть въ камору. А самъ кликнулъ бонзу и велѣлъ ему произнести заклятіе противъ злыхъ духовъ.

И едва бонза произнесъ это заклинаніе, какъ мгновенно исчезло очарованіе, и, вмѣсто прекрасной японки, глазамъ всѣхъ представилась огромная лисица, у которой на лбу еще сіяла рана отъ стрѣлы очарованнаго принца...

Диковинный чайникъ.

Много-много лѣтъ тому назадъ въ одномъ японскомъ храмѣ Мариньи, въ провинціи Іо-шіу, былъ старый чайникъ. Однажды бонза хотѣлъ, было, повѣсить его надъ очагомъ, чтобы вскипятить воду для чая, — вдругъ совершенно неожиданно чайникъ высунулъ морду и хвостъ барсука изъ себя... Не диковинное ли дѣло, — чайникъ весь въ барсуковой шерсти? А?

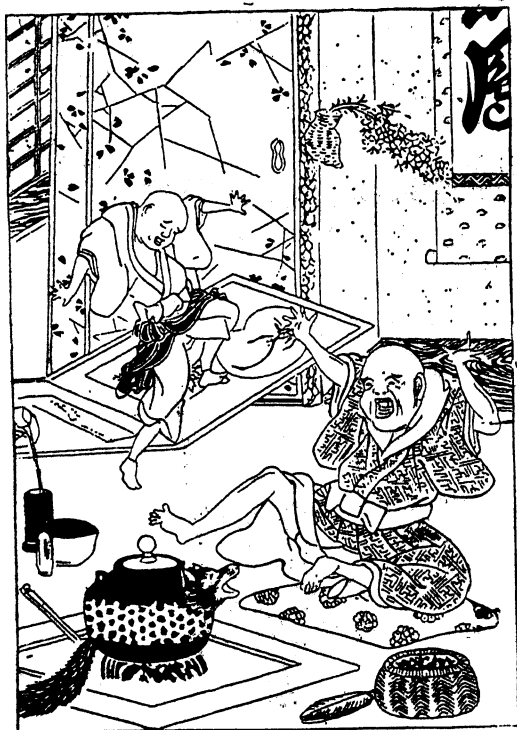
Перепугался бонза и кликнулъ въ страхъ своихъ служащихъ, а пока тѣ судили да рядили о томъ, чайникъ вдругъ сорвался съ мѣста и пошелъ летать по комнатѣ.

Испуганный еще того больше хотѣлъ, было, бонза съ приспѣшниками его поймать, — да не тутъ-то было. Ни одинъ воръ, ни одна кошка никогда такого проворства не выказывали, какъ эта штука. Да удалось-таки имъ наконецъ сбить его на полъ; тутъ они навалились всѣ на него, бросили въ сундукъ и заперли его, чтобы вынести его потомъ подальше отсюда и зарыть гдѣ-нибудь и тѣмъ отдѣлаться отъ злого духа Они. Но дѣло вышло иначе. Раздумался бонза о чайникѣ, и жалъ ему стало такую

хорошую вещь зря въ землю зарывать, лучше было бы хоть немножко получить за него. Вотъ и вытащилъ онъ чайникъ, а тотъ уже снова принялъ свой видъ и морду, и хвостъ барсучій убралъ; пошелъ бонза показать его жестяныхъ дѣлъ мастеру. и тотъ предложилъ за него 20 мѣдныхъ монеть; а бонза и тому радъ.

Унесъ жестяникъ свою покупку домой; только легъ спать, — и слышитъ вдругъ около подушки странное шуршанье.

Выглянулъ онъ глазкомъ изъ-подъ одѣяла, и видитъ, что это новокупленный чайникъ, весь въ шерсти, на четы-

рехъ лапахъ, съ барсучей мордой и хвостомъ по его фанзѣ путешествуетъ.

Перепугался жестяникъ, вскочилъ; но чайникъ живо принялъ свой обычный видъ, какъ ни въ чемъ не бывало. И это продолжалось такъ нѣсколько ночей.

Пошелъ жестяникъ къ товарищу, показалъ ему чайникъ, а тотъ и говорить:

— Безъ сомнѣнія, — это — талантливый чайникъ, который можетъ осчастливить японца. Начни-ка его показывать досужимъ людямъ, да съ пѣніемъ, съ музыкой; привяжи его на веревочку и заставь на ярмаркѣ передъ публикой плясать.

Жестяникъ согласился, что это очень мудрый совѣтъ, пошелъ къ фокуснику и отдалъ ему чайникъ.

И слухъ объ этомъ живо разнесся повсюду, такъ что князья провинцій стали наперерывъ приглашать жестяника съ чайникомъ, и онъ собиралъ пропасть денегъ безъ всякихъ хлопотъ.

И разбогатѣлъ подъ конецъ бѣдный жестяникъ, а чайникъ отдалъ бонзѣ, который съ тѣхъ поръ хранилъ его, какъ нѣчто удивительное.

Мальчикъ богатырь Кинъ-Таро.

Въ древнія времена жилъ-былъ въ Кіото при дворѣ храбрый, славный воинъ по имени Курандо.

Хоть онъ дѣло свое зналъ хорошо и ни въ чемъ повиненъ не былъ,—все жъ таки враги и завистники ухитрились очернить его передъ японскимъ королемъ и ввести въ немилость. Чтобы казни позорной избѣжать, воинъ-японецъ скрылся и бѣжалъ отъ двора...

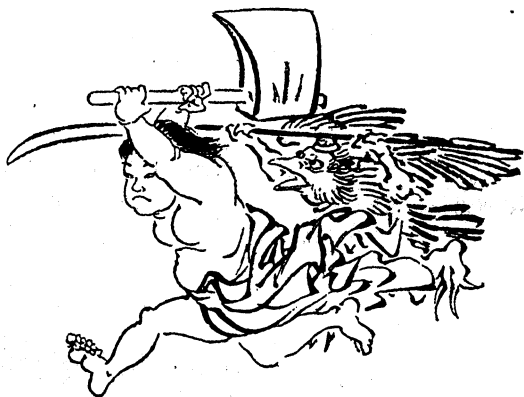
Одинокій и безутѣшный бродилъ онъ по лѣснымъ дебрямъ вокругъ Кіото, и жить ему было тамъ куда какъ горько.

Только все же онъ радовался, что избѣжалъ смерти, особенно когда его, изгнанника, въ лѣсу нашла его вѣрная жена. Вдвоемъ горе переносить куда легче, вотъ и они зажили въ лѣсу въ одиночествѣ потихоньку, спокойно. А когда родился у нихъ ребенокъ, они и совсѣмъ повеселѣли. Да не долго суждено было жить имъ въ счастья: занемогъ Курандо тяжело и скоро умеръ.

Пришлось бѣдной вдовѣ съ сыномъ Кинтаро уйти отсюда подальше, въ глушь горъ, въ чащу лѣса, гдѣ и пищи больше боги посылали ей, и гдѣ опасность угрожала только отъ дикихъ звѣрей, а не отъ преслѣдованія завистниковъ мужа.

Выбрала она себѣ пещеру, тамъ и жила. Изрѣдка въ эту глушь заходили дровосѣки - японцы, и они прозвали Кинтаро чудомъ-ребенкомъ, а невѣдомую японку — дикой матерью.

А Кинтаро и точно чудной былъ. Всѣ звѣри въ лѣсу любили его, шли на его голосъ. И Кинтаро не боялся ихъ, даже страшной хищной птицы тенгу не боялся, а игралъ съ ними, какъ съ своими сверстниками; и хотъ тенгу считался страшной птицей, но Кинтаро знать этого не хотѣлъ. И дошло до того, что разъ Кинтаро хотѣлъ поиграть съ молодыми тенгу. Но тѣ улетѣли отъ него на вершину дерева, гдѣ было ихъ гнѣздо. И Кинтаро сталъ тря-

сти дерево и трясъ до того, что гнѣздо обвалилось на землю, и маленькіе птенцы попадали на землю и стали жалобно звать свою мать.

Случилось, что какъ разъ въ это время проѣзжалъ мимо могучій воинъ Раи-Ко, который путешествовалъ, намѣреваясь вступить въ единоборство съ злыми духами.

Увидаль онъ, какой сверхчеловѣческой силой обладаетъ въ самомъ нѣжномъ возрастѣ выросшій въ лѣсу мальчикъ, и рѣшилъ взять его съ собой, чтобы сдѣлать его пока онъ подростаетъ, оруженосцемъ своимъ, а потомъ сдѣлать его непобѣдимымъ воиномъ.

Только вотъ бѣда,—Кинтаро самъ не хотѣлъ—ни съ матерью разставаться, ни грифа Тенгу покинуть, ни звѣрей, ни любимаго имъ лѣса.

Тогда Раи-Ко спросилъ его, гдѣ мать его, и поѣхалъ къ ней и сталъ говорить ей, что Кинтаро можетъ возстановить славу отца, сдѣлавшись непобѣдимымъ воиномъ.

И согласилась бѣдная японка и стала

убѣждать сына—не сопротивляться просьбамъ Раи-Ко. А сама она рѣшила остаться въ лѣсу и ждать, пока не сбудется то, что обѣщала ей Раи-Ко.

Такъ и разсталась мать съ сыномъ.

И часто послѣ того Кинтаро, уже прославившись военными успѣхами и даже затемнивъ своей славой знаменитаго Раи-Ко, посѣщала свою мать въ лѣсной глуши, пока бѣдная японка не умерла.

А послѣ того дровосѣки и всѣ лѣсные люди стали считать ее своей покровительницей и увѣряли, что она и до сихъ поръ живетъ въ лѣсной глуши и охраняетъ ея покой.

Японскія дѣти.

Сай-Но-Кавара называется „высохшее русло рѣки душъ“. Глубоко подъ горами, глубоко подъ моремъ лежитъ русло Сай-но-Кавара.—Есть преданіе, что тысячи лѣтъ тому назадъ волны этой рѣки переносили на себѣ въ вѣчный міръ

души умершихъ на землѣ людей. Злые духи сердились, когда видѣли, какъ рѣка уноситъ на своихъ воинахъ изъ ихъ области добрыя души; они шептали ей

вслѣдъ глухія проклятiя, а рѣка между тѣмъ изо дня въ день, изъ года въ годъ уносила и уносила души людей. Обыкновенно душа нѣжнаго младенца чистая и свѣтлая, какъ снѣгъ, приближалась къ берегу; здѣсь ее встрѣчалъ чашковидный цвѣтокъ лотоса, готовый сейчасъ же перенести это маленькое существо сквозь темную глубину въ царство вѣчнаго блаженства. Злые духи скрежетали при видѣ этого зубами. И душа всякаго добраго старца также могла безпрепятственно пройти черезъ рой злыхъ духовъ и благополучно переправлялась на чудесныхъ волнахъ въ невѣдомый мiръ. И на это смотрѣли злые духи съ затаенной злобой.

Но наконецъ они рѣшили запрудить рѣку у самаго ея источника, и тогда души умершихъ должны были уже съ трудомъ прокладывать себѣ путь въ страну вѣчнаго блаженства.

Вѣчно бодрствующій богъ Ги-Цо покровительствуетъ маленькимъ дѣтямъ. Онъ весь полонъ состраданiя, голосъ его нѣженъ, подобно голосу голубей; любовь его безконечна, подобно водѣ въ морѣ. Каждый младенецъ въ странѣ блаженства пользуется его помощью и его защитой. Въ Сай-но-Кавара, т. е. въ высохшемъ руслѣ рѣки душъ, помѣщается безчисленное множество дѣтскихъ душъ разныхъ возрастовъ, отъ двухъ лѣтъ и до пяти; самымъ старшимъ изъ нихъ не болѣе восьми, десяти лѣтъ.

Временами ихъ жалобные крики раздираютъ душу. Одни изъ нихъ оплакиваютъ свою мать, другiе отца, третьи

братътевъ и сестеръ, которые съ ними когда-то играли.

Ихъ вопли несутся по Сай-но-Кавара, то усиливаясь, то утихая, однообразно и бесконечно. И только и слышатся ихъ жалобные гелоса:

„Хи-хи—Коиси! Ха-ха Коиси!“

Ихъ голоса временами хрипнуть и грубѣютъ, а они все-таки продолжаютъ кричать свое:

„Хи-хи—Коиси! Ха-ха Коиси!“—

Они не перестаютъ кричать въ продолженіе цѣлаго дня и все время собираютъ со дна рѣки камни, изъ которыхъ складываютъ нѣчто въ родѣ жертвенника, постоянно приговаривая:

За милую маму мы это кладемъ.

„За папу мы то же свос отдаемъ.

„И брата съ сестрой не забудемъ!..

И съ утра до вечера повторяютъ они свое жалобное: „Хи-хи—Коиси! Ха-ха—Коиси“.

Съ приближеніемъ ночи къ нимъ спускаются злые духи и спрашиваютъ ихъ:

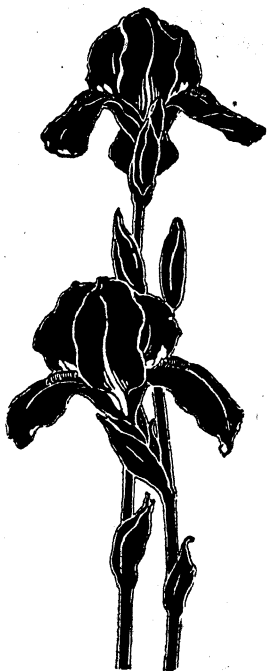
— „Для чего вы плачете, для чего вы молитесь? Ваши родители тамъ, на землѣ, все равно васъ не слышатъ. Ваши молитвы теряются въ гулѣ голосовъ. Родители ваши ропщутъ на землѣ, оттого вы и токуете“.

И, говоря это, они разрушаютъ жертвенники и разбрасываютъ по дну рѣки камни.

Тогда приближается къ дѣтямъ богъ Ги-Цо, полный любви, и беретъ ихъ подъ свое покровительство. Самыхъ маленькихъ, которые не могутъ еще сами ходить, онъ велитъ нести подвластнымъ

ему духамъ. Всѣ дѣти окружаютъ его, и онъ ихъ утѣшаетъ. Онъ беретъ ихъ на руки, ласкаетъ ихъ и замѣняетъ имъ ихъ матерей и отцовъ.

Тогда дѣти перестаютъ плакать и не складываютъ больше жертвенниковъ. Съ наступленіемъ ночи они мирно засыпаютъ, а Ги-Цо, вѣчно бодрствующій богъ, охраняетъ ихъ покой.

Свѣтлячокъ.

Въ прежнія времена жилъ-былъ въ цвѣточной чашечкѣ священнаго лотоса крошка-свѣтлячокъ; а лотосъ этотъ росъ на маленькомъ, хорошенькомъ озеркѣ,— и хрустальная поверхность этого озера съ любовью отражала и огромные листья, и чудные цвѣты лотосовъ, которыми оно заросло сплошь; а свѣтлячокъ по ночамъ сіялъ на лотосѣ яркой, брилліантовой звѣздочкой, и лотосъ стоялъ словно въ драгоценной коронѣ.

И много японцевъ сходилось сюда, чтобы полюбоваться этимъ сказочнымъ видомъ, и на много верстъ кругомъ говорили объ этомъ волшебномъ-красивомъ озеркѣ.

Стрекозы, жуки, поразительной величины и окраски бабочки порхали надъ спокойными, величавыми лотосами, перепархивая съ цвѣтка на цвѣтокъ.

И всѣ они сначала дивились на этого малозамѣтнаго свѣтлячка, который былъ такой маленькій и съ виду некрасивый днемъ. Они не могли понять, откуда у него является этотъ огонекъ. Они забыли, что сами могущественные боги, которымъ все возможно, зажгли этотъ огонекъ въ такомъ незрѣломъ съ виду червячкѣ.

И они стали просить свѣтлячка стать

ихъ королемъ. Бабочки, мухи, комары, стрекозы,—они почти сплошь облѣпили блѣдно-розовые, нѣжные лепестки лотоса и все просили свѣтлячка.

— Нѣтъ,—сказалъ свѣтлячокъ,—я не въ силахъ принять на себя эту обязанность. Мнѣ тяжело уже то, что всѣ вы собрались вокругъ меня и нарушаете мой покой... Мнѣ хорошо уже то, что я могу свѣтить хоть немного и освѣщать этотъ чудный, добрый лотосъ, который пріютилъ меня и не гонитъ прочь отъ себя...

Тогда всѣ эти жуки, мухи, мушки и бабочки обидѣлись на свѣтлячка. Они надулись и улетѣли отъ него прочь...

— Негодный червячишка! — всюду жаловались они,—мы оказали ему такую великую честь, а онъ чуть не прогналъ насъ. И пускай сидитъ на своемъ лотосѣ,—и ничего нѣтъ хорошаго ни въ немъ, ни въ этомъ лотосѣ.

А свѣтлячокъ жилъ одинъ и былъ очень доволенъ своей судьбою. И по-прежнему японцы заходили сюда, въ это тихое озерку и любовались на спящіе лотосы, озаренные нѣжнымъ, таинственнымъ свѣтомъ Иванова червячка...

И вотъ тогда насѣкомыя рѣшились тоже стать свѣтлячками и озарять священные лотосы... Они давно уже видѣли издалека на берегу и подъ горой Фуки-Шимо хорошенькія, причудливыя фанзы японцевъ, съ ярко-освѣщенными окнами, и они рѣшили, что свѣтлячокъ тамъ добылъ свой огонекъ, свою искру небесную...

И всей гурьбой они понеслись впередъ—

ку къ освѣщеннымъ фанзамъ, онѣ тучей осыпали разноцвѣтные японскіе фонарики, бросались съ жадностью на огоньки и... падали, падали мертвымъ дождемъ, опаленные пламенемъ...

И до сихъ поръ вечерами японцы видятъ подобныхъ же бабочекъ, мотыльковъ, мошекъ, стрекозъ, которые мчатся въ ослѣпленіи на огонь и гибнуть, гибнуть безъ счету, забывая, что каждому боги опредѣлили его мѣсто и каждого одѣлили своимъ счастьемъ.

Открыта подписка на 1904 годъ
на журналъ для дѣтей **МЛАДШАГО** возраста

„СВѢТЛЯЧОКЪ“

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТІЙ

Журналъ выходитъ 2 РАЗА въ мѣсяцъ.

Особ. Отд. Уч. Мин. Нар. Просв. ДОПУЩЕНЪ въ выписки по предварительной подпискѣ въ учебныя библ. городскихъ училищъ дѣтей, садиковъ и приютовъ.

Годовые подписчики получаютъ:

24 №№ журналы съ богатыми иллюстраціями.

12 КАРТИНЪ въ краскахъ. ● ● ●

1 ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-БАБОЧКА.

12 ПРЕМИЙ: Игры, игрушки, занятія, книжки. Въ числѣ ихъ

„НОВЫЙ ЦИРКЪ“ для вырамавки.

4 томикъ „Избранныя сказки бр. ГРИММЪ“.

БАШЕНКА ОГНЕЙ.

→ Подробные иллюстрированные проспекты **БЕЗПЛАТНО**.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 1 годъ съ перес. и доставкой 3 р — н

На 1/2 года „ „ 1 р. 50 н.

На 1 годъ безъ перес. и доставки 2 р 50 н

→ ПОДПИСКА ВЪ РАЗСРОЧКУ НЕ ПРИНИМАЕТСЯ ←

РЕДАКЦІЯ И КОНТОРА: Москва, М. Дмитровка, Настасьин. п., д. Франкъ
ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, Книжный магазинъ Н. Лидертъ, Петровскія Линіи.

Издательница М. В. Лидертъ

Открыта подписка на 1904 годъ
на журналъ для дѣтей **СРЕДНЯГО** возраста

„ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕКЪ“.

Журналъ выходитъ 2 РАЗА въ мѣсяцъ.

Годовые подписчики получаютъ:

24 №№ журнала большого формата, съ иллюстраціями.

6 томовъ сочиненій РЕДИАРДА КИПЛИНГА.

1) „Братья волкы“, „Танецъ голода и огня“.
2) „Тигръ-Шеръ-Ханъ“, 3) „Что разсказываетъ слонъ“.
„Расплата“, 4) „Побѣда“ и „Домой“ 5) „Стальные пере-
ходы“, 6) „Разсказы“.

1 сборникъ дѣтскихъ театральныхъ піесъ.

4 ПРЕМИЙ—игры, занятія и проч.

1 КАЛЕНДАРЬ съ декорацией.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 1 годъ съ перес. и доставкой 3 р — н

На 1/2 года „ „ 1 р 50 н

На 1 годъ безъ доставки и перес. 2 р 50 н.

Редакторъ-издатель А. А. Водаровъ-Давыдовъ

СКЛАДЫ ИЗДАНІЯ:

1) Редакція журналовъ „СВѢТЛЯЧОКЪ“ и „Путеводный Огонекъ“, Москва, М. Дмитровка, Настасьин. п., д. Франкъ.

2) Книжный магазинъ Н. Лидертъ, Москва, Петровскія Линіи.

ЦѢНА 20 коп.